

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А.

ПОЧЕМУ ТРУДНО ВЕРИТЬ СТОРОННИКАМ НОСТРАТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ?

Развитие сравнительно-исторического изучения языков различных семей всегда сопровождалось стремлением расширить круг родственных языков, протянуть связующие нити от одной семьи языков к другой в целях доказательства их генетического родства в далеком прошлом. Истории лингвистической науки известны попытки сблизить индоевропейские языки с семитскими, угро-финские — с алтайскими, индоевропейские — с тюркскими и урало-алтайскими и т. д.

Имеются попытки сближения тюркских языков с уральскими, тюркских языков с монгольскими, угро-финских с дравидийскими, угро-финских с индоевропейскими, уральских с юкагирским и т. д.

Если в прежнее время в большинстве случаев предпринимались попытки сближения отдельных семей языков, например, семитских с индоевропейскими, тюркских с индоевропейскими и т. д., то современный этап развития этого направления характеризуется стремлением устанавливать группы языков, включающие очень большое количество членов.

Пытаясь генетически связать языки Старого и Нового Света, М. Сводеш приходит к выводу о существовании большой языковой группы, которая была им названа денефинской (*finnodelupean*) по обозначению двух пространственно наиболее отдаленных членов этой группы языков дене (атапаскских) и финно-угорских в Евразии.

В. М. Иллич-Свитыч выделяет большую группу родственных языков, которую он назвал ностратической. Эта группа включает шесть языковых групп Старого Света — индоевропейскую, алтайскую, уральскую, дравидийскую, картвельскую и семито-хамитскую.

Стремление отыскать иные родственные языки представляет явление вполне естественное. Истории языкознания известны случаи, когда эти поиски увенчивались успехом. Было время, когда самодийские языки не считались родственными финно-угорским. После появления в 1915 г. работы финского лингвиста Е. Сетяля «Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischer und samojedischen Sprachen» и дальнейших исследований это родство стало установленным, и в настоящее время уже никто не сомневается в том, что данные языки родственны. Это свидетельствует о том, что генетические связи различных языков мира в настоящее время еще недостаточно изучены и не исключена возможность обнаружения новых языков, позволяющих объединить их с какой-либо группой родственных языков, генетические связи которых уже достаточно хорошо известны.

Выше уже говорилось о том, что современное языкознание пытается установить семьи родственных языков, включающие очень большое количество членов. Такая тенденция не случайна. Она имеет определенные причины: 1) сведение большого числа языков разных семей к одному праязыку необычайно расширяет рамки исторической перспективы. Так, например, если уральский праязык существовал примерно 5—6 тысяч лет тому назад, то ностратический праязык должен залегать значительно глубже; 2) чем большее число родственных языков входит в языковую семью, тем более вероятно сохранение в известной их части глубоких архаизмов. Изучение этих глубоких архаизмов помогло бы во многих слу-

чаях уточнить наши сведения по истории современных языков. Открытие новых фонетических законов и более древних элементов грамматической структуры могло бы дать более точное представление об общих путях развития родственных языков; 3) установление больших групп родственных языков помогло бы точнее определить их географическое положение в глубокой древности.

В различных языках мира¹ иногда могут встретиться сходно звучащие слова. При этом обычно оказывается, что определить их генетическое родство довольно нелегко. Все это можно показать, анализируя различные сходные слова.

Фин. *minä* «я», татар. *мин* «я», фин. *sinä* «ты», татар. *син*. Созвучие здесь, казалось бы, полное. Однако когда мы обратимся к истории этих личных местоимений, то окажется, что они совершенно не связаны. Фин. *sinä* когда-то звучало как *tinä*. Группа *ti* в финском языке превращалась в *si*, что подтверждается формами родственных языков, ср. эрзя-морд. *тон*, марийск. *тэй*. Татар. *син* «ты» восходит к тюркскому архетипу **sän*. Начального *t* в этом слове никогда не было, и оно не родственно фин. *sinä* «ты». Фин. *minä* «я» также не родственно татар. *мин*. Татар. *мин* восходит к тюркскому архетипу **bän*. Начальное *m* в угро-финских языках никаким изменениям не подвергалось, что подтверждается данными родственных языков. Внешнее созвучие и здесь оказалось обманчивым.

Хинди *шрам* «труд», груз. *šroma* «труд». Созвучие здесь также почти полное. Однако эти слова не родственны. В языке хинди слово *шрам* «труд» связано с древнеиндийским глаголом *śramayati* «утомляет». Груз. *š* не происходит из *ś*.

Др.-русс. *яра* «весна», чуваш. *сур* «весна». Чуваш. *сур* «весна» происходит из **йар*, которое, в свою очередь, возводится к архетипу **jaz*, ср. татар. *яз* «весна», турецк. *yaz* «лето» и т. д. В истории русского языка не было фонетического закона перехода *з* в *р*.

Др.-греч. *helios* «солнце», чуваш. *хёвел* «солнце». Слова созвучные, но не связанные генетически. Др.-греч. *helios* возводится к архетипу **savelios* собственно «светлый», от этого архетипа происходит также лат. *sol* «солнце», литов. *saule* и русск. *солнце*. Начальное *x* в чувашском восходит к заднеязычному *k*, а конечное *l* к билатеральному глухому *l*, которое в других тюркских языках превратилось в *ш*, ср. татар. *кояш* «солнце».

Татар. *кусак* «кусочек», русск. *кусок*. Татар. *кусак* — древнее причастие от глагола *käs-* «резать». *Кусак* означает «отрезанный». В русском слове *кусок* корневой гласный *y* восходит к носовому *o* из *он*, ср. ст.-слав. *кѣсѣ*, польск. *kąsek*, литов. *kąsnis*, ср. также литов. *kandu* «я кусаю» [I, II, с. 431].

Эрзя-морд. *кирьга* «шея», чеш. *krk*. Слова созвучные, но не родственные. Морд. *кирьга* скорее связано с фин. *kurkku* «горло», эст. *kurk* «горло», но не с чеш. *krk*.

Эрзя-морд. *муськемс* «стирать», литов. *mazgati*, лтш. *mazgat* «мыть». Несмотря на созвучие, глаголы явно не родственны. В эрзя-мордовском языке глагол *муськемс* по происхождению звукоподражательный, ср. коми-зыр. *мыськыны* «мыть», где содержится специальный суффикс звукоподражательных глаголов *-к (-э)*, ср. коми-зыр. *герчыкыны* «крякать», *шувгыны* «шуметь» и т. д. В балтийских языках специального суффикса звукоподражательных глаголов не было.

Эрзя-морд. *панемс* «печь хлеб», лат. *panis* «хлеб». Созвучие этих слов также обманчиво. Известно, что лат. *panis* восходит к *pastnis*.

Фин. *puoli*, эст. *pool*, эрзя-морд. *пель*, русск. *половина*. Несмотря на созвучие, связь этих лексем установить невозможно. Русское слово *половина* связывается с алб. *pale* «сторона, партия, раздел» [I, III, с. 306].

Русск. *на-ука*, татар. *ук-ырга* «учиться». Созвучие не доказывает родства слов, так как вокализм созвучных комплексов *ук* разный. Гласный *y* в *учить*, по-видимому, развился из дифтонга *au*, на что указывает старославянское написание *оучити*. Последнее родственно др.-прусс. *iaukint* «упражнять», литов. *jaukinti* «приучать, укрощать» [I, IV, с. 179]. Гласный *y* в татар. *ук-ырга* исторически восходит к *o*, ср. турецк. *okutak*.

Араб. *'ard* «земля», голл. *Aard* «земля». Сближению этих слов препятствуют фонетические затруднения. Долгое *a* в голландском, по-видимому, вторичного происхождения, ср. нем. *Erde* «земля» и англ. *earth*.

Укр. *хмара* «туча», фин. *hämärä* «темный». Созвучие и смысловое сходство этих слов ничего не доказывают, потому что укр. *хмара* родственно русск. *смурый*, *пасмурный*.

Лат. *satis* «достаточный», эрзя-морд. *самы* «достаточно». Несмотря на внешнее созвучие, история у этих слов разная. Лат. *satis* связано с русск. *сытый*, литов. *sočius*, лтш. *sāts*, гот. *saþs* «сытый» и т. д. Морд. *самы* «достаточно» связано с финским глаголом *saada* «получать, достигать».

Татар. *каз* «гусь», русск. *гусь*. Известное созвучие этих слов ничего не говорит об их родстве, так как *y* в русском слове *гусь* восходит к носовому *o*, ср. также нем. *Hans* «гусь», тогда как *a* в татарском слове *каз* существовало уже в тюркском архетипе. В современном татарском языке здесь огубленное *a*.

Лат. *homo* «человек», др.-коми.-зыр. *ком* «человек», манс. *hum* «человек». Объединению этих слов препятствуют фонетические затруднения. Латинское начальное *h* не развилось из *k*.

Ст.-слав. *пухати* «дуть», фин. *puhua* «говорить» < «дуть». Созвучие основывается на звукоподражательной конвергенции.

Чуваш. *уç-* «открывать», коми-зыр. *воç-ты-ны* «открывать». Элементы *уç* и *воç* не тождественны. Чуваш. *уç-* восходит к *ач-*. В коми-зырянском *сь* отражает праязыковое *ś*.

Эрзя-морд. *лымбамс* «волновать», ненец. *лымбалась* «привести в состояние колебания». Созвучие основывается на звукоимбовальной конвергенции.

Русск. *ключ* «прибор для открывания замка» и *ключ* «источник» — слова разного происхождения. *Ключ* связан со словом *клока*, а *ключ* «источник» — со звукоподражательным глаголом *клокотать*.

Перс. *bād* «плохой», англ. *bad* «плохой» — чисто случайное совпадение.

Эрзя-морд. *лопа* «лист», литов. *lap*, н.-нем. *loof* «лыства». Созвучие основывается на звукоимбовальной конвергенции.

Лат. *pet-o* «выходить», коми-зыр. *пет-ны* «выходить». Здесь также чисто случайное звуковое совпадение.

Этого небольшого списка слов вполне достаточно, чтобы уяснить истину, которая в компаративистике давно стала аксиомой. Для определения генетического родства сходно звучащих слов необходимо знать, как они звучали в прошлом. Иными словами, без истории здесь делать нечего. В дальнейшем оказывается, что одного знания истории также недостаточно. В практике исследования возникают многие частные вопросы, требующие массы оговорок и особых разъяснений.

То же самое наблюдается, когда мы рассматриваем сходно звучащие формативы. Лат. *laudat* «он хвалит» и кирг. *жазат* «он пишет», казалось бы, имеют одинаковое личное окончание 3-го л. ед. ч. *-t*. Но это только внешние впечатления. Лат. *-t* исторически восходит к *-ti*, тогда как кирг. *жазат* «он пишет» некогда звучало как *жазады*, ср. казах. *жазады*, узб. *ёзады*. Некоторые тюркские языки показывают, что элемент *-ад* восходит к *ат-*, который был особым показателем настоящего времени и первоначально присутствовал во всех лицах, ср. чувш. *аладым* «я беру», *аладың* «ты берешь» и т. д.

В грузинском языке есть форматив *(-i)dan*, означающий движение из чего-л., ср. *saxli-dan* «из дома». Сходно звучащие формативы имеются в тюркских языках (например, турецк. *Ankara-dan* «из Анкары») и древнегреческом, ср. *οἶκο-θεν* «из дома». Вряд ли есть основания утверждать, что все эти формативы материально родственны. История тюркского форматива *-дан* более или менее известна. В этих языках он восходит к аффиксу местно-исходного падежа *-да*, к которому был прибавлен показатель направительного падежа *-н*. История греч. *-θεν* неизвестна, а груз. *-(i)dan* < *-it-gan*, где *-it* — аффикс творительного падежа и *-gan* — послелог.

Покойный В. М. Иллич-Свитыч был, несомненно, наиболее ярким пред-

ставителем ностратики. Это был думающий, размышляющий ученый, опирающийся в своих исследованиях различных языков на звуковые соответствия. Однако даже при наличии этих качеств его работы не свободны от существенных недостатков. Чтобы понять сущность ностратики, необходимо прежде всего обращаться к его трудам. Рассмотрим некоторые из приводимых им сравнений. В словаре Иллич-Свитыча содержится немало сопоставлений звукоподражательных слов.

Ностр. *karl*, *kurl* «журавль», араб. *kurkiġ*, арм. *krunk*, греч. γέρανος, фин. *kurke*, малаялам *kurijan*, эвенк. *karav* и т. д. [2, с. 292, 293].

Ностр. *curl/corl* «капать», др.-груз. *cwar* «роса, капля», фин. *sorotta* «капать», венг. *csorog* «литься, течь», селькуп. *šor-*, тамил. *cōr-* «сочиться, капать», каннада *sōr-* «капать», брагуи *curr-* «течь», монг. баоаньск. *šur-* «литься» и т. д. [2, с. 198].

Ностр. *bura* «сверлить», семит. **br-* «прорезать, просверливать», груз. *brun-* «вертеть», греч. φόρος «плут», лат. *forō* «сверлю», фин. *pura*, хант. *pōr* «сверло», тамил. *pōr* «дупло», узб. *бура-* «вращать», турецк. *bur-* «крутить», тунг. *buru* «водоворот» [2, с. 186, 187].

Ностр. *bur'a* «кипеть, бурлить», копт. *berber-* «вскипать», лат. *fervēre*, фин. *porise* «пузыриться, kloкотать», тамил. *puṟuṅku-* «обваривать паром» [2, с. 190].

Ностр. *gurl* «глотать», араб. *gʷr r'* «глотать», др.-евр. *gārōn* «глотка», др.-инд. *girāti* «пожирает», греч. βιβρώσκω «пожираю», серб.-хорв. *grlo* «горло, шея», фин. *kurkki*, тамил. *kural*, картв. **qorg-* и т. д. [2, с. 235, 236].

Ностр. *čap'a-* «бить, рубить», араб. *sfk* «с шумом ударять, шлепать», литов. *skōpti* «выдалбливать», русск. «щепать», вепс. *čappa-* «рубить, резать, сесть», саам. *čupr'ā-* «рубить», венг. *csap-* «ударить», каннада *savaru-* «обрубать ветви», турецк. *çap-*, чуваш. *šup-*, нанайск. *čapči-* «рубить» [2, с. 201].

Ностр. *ṭaph(a)* «бить». Сопоставляется с сирийск. *ṭph-* «бить кулаками», ст.-слав. **tep-ti* «бить», фин. *tappa-* «убить; размалывать (зерно)», венг. *tap-od-* «топтать», монг. письм. *dabta-* «ковать», тунг. **tapi-* «ковать» и т. д. [3, с. 108—109].

Хорошо известно, а это также является истиной сравнительно-исторического языкознания, что звукоподражательные слова не могут служить доказательством родства языков, поскольку звукоподражательные конвергенции наблюдаются в неродственных языках, ср. фин. *sopottaa*, русск. «шептать», рум. *șopti*, др.-греч. βάτραχος «лягушка», эрзя-морд. *ватраки* «лягушка», др.-греч. κόραξ «ворон», марийск. *корак* «ворон»; чуваш. *шор-* «журчать», коми-зыр. *шор* «ручей», фин. *puuskaa* «дуть», др.-греч. φύσαω, русск. *писк*, фин. *pääsky* «ласточка» и т. д.

Также неправомерно сравнение слов, основанных на звукоимовилике. Так, например, В. М. Иллич-Свитыч рассматривает рефлекс ностратического слова *jela* «светлый». Сюда он привлекает такие слова, как груз. *el-* «сверкать (о молнии)», ненец. *jäl'a* «день, свет, светлый», драв. *el* «блеск», халха-монг. *il* «очевидный, ясный» [2, с. 281, 282].

Здесь также возможны конвергенции. Еще Н. И. Аппмарин отмечал, что весьма характерными звуками для звукоподражательных слов являются в чувашском языке звуки *j*, *r*, *p*, *l* [4, с. 155]. Эти элементы для аналогичных целей используются и в других языках, ср. татар. *йол-дыз* «звезда», *ял-кын* «пламя», *ял-тыр* «сверкать», турецк. *yıl-dırım* «молния», русск. *яр-кий*, мар. *йыл-йыл-кош* «блестеть».

Огромное преимущество компаративиста, работающего на материале и.-е. языков, состоит в том, что он располагает сведениями по истории почти каждого и.-е. языка, взятого в отдельности. Лингвисты, привлекающие огромный материал всевозможных языков, для которых они постулируют генетическое родство, историю конкретных языков, тем более, их отдельных лексем, не знают. Поэтому, когда М. Сводеш приводит такое сопоставление, как фин. *kieli* «язык», нивх. *qha*, греч. γλῶττα «язык» и лат. *garrige* «болтать», то остается непонятным, каким образом из предполагаемого корневого элемента *k'l* могло возникнуть, например, нивх. *qha* «язык». Если предистория нивх. *qha* неизвестна, то и сопоставление этих слов не может быть надежным.

В словаре Иллич-Свитыча можно найти примеры, свидетельствующие о незнании его автором истории конкретных языков. Вслед за алтаистами В. М. Иллич-Свитыч утверждает, что анлаутный тюрк. *j* многозначен и может восходить как к алт. *j*, так и к *n*, *d*, *ʒ* [2, с. 281]. Превращение *n*, *d*, *ʒ* в *j* противоречит общей типологии изменения *j*. Обычное изменение *j* > *ʒ*.

Пытаясь объяснить историю ненецкого слова *jäl'a* «день, свет, светлый», В. М. Иллич-Свитыч замечает: «Самодийский вариант с *ä* указывает, по-видимому, на исходное **jela* с последующим влиянием заднерядного вокализма 2-го слога» [2, с. 281]. Скорее здесь *ä* отражает тенденцию к расширению гласного первого слога, наблюдаемую в саамском и ненецком языках.

Рассматривая ностратический суффикс прилагательных, отглагольных и уменьшительных имен *-la*, он объединяет его с грузинским причастным суф. *-il*, ср. груз. *cer-il* «написанный», арм. *sire-l* «любовь», фин. *vete-lä* «водянистый, жидкий», тюрк. *Kyr'y-l* «красный». В. И. Иллич-Свитыч утверждает, что «рассмотренный формант первоначально использовался для образования прилагательных — отглагольных (причастий) и отыменных: эта функция сохранена повсеместно. В результате процессов субстантивации он стал также суффиксом уменьшит. имен» [3, с. 20, 21]. По существу это объяснение неверное. В уральских языках уменьшительный суф. *-la* восходит генетически к окончанию собирательного мн. числа. Из значения уменьшительности не может получиться суффикс отглагольных имен существительных и причастий. Между этими образованиями нет никаких семантических связей.

В. М. Иллич-Свитыч утверждает, что тюрк. **köl* «озеро» якобы родственен элементу *keḡla* в коми-зырянском слове *ty-keḡla* «озерко, заболоченное место, мелкий залив» [2, с. 306]. Но дело в том, что первый элемент *ty* здесь уже имеет значение озера. Соединение двух слов *ty* и *keḡla*, обозначающих озеро, было бы совершенно бессмысленно.

Рассматривая ностратический суф. прилагательных *-la*, В. М. Иллич-Свитыч сопоставляет такие образования, как фин. *vete-lä* «водянистый» и марийск. *mar-lä* «марийский» [3, с. 20]. Сопоставление явно ошибочное. *Мар-лā* — окаменевшая форма древнего направительного падежа на *-lā*, ср. уна-ла «в гости». Основное значение *мар-лā* «по-марийски».

Как известно, в прибалтийско-финских языках в окончании серии внешнеместных падежей имеется коэфф. *-l-*, ср. фин. *rannalla* «на берегу» из *ranta-l-na*, *talolla* «на доме» и т. д. Этот коэфффикс встречается также в марийском и пермских языках, ср. марийск. *чодра-л-ан*, коми-зыр. *вör-л-ань* «по направлению к лесу».

По мнению Иллич-Свитыча, первоначальная форма аффикса сохранена в именах локативного значения типа фин. *taka-la* «расположенный сзади». Сюда же он присоединяет суф. местного падежа *-la*, встречающийся в тунгусо-маньчжурских языках, ср. эвенк. и эвен. *mō-lā* «на дереве» [3, с. 25, 26].

Дело в том, что показатель серии внешнеместных падежей в финно-угорских языках не мог произойти от суф. *-la*, обозначающего местонахождение, ср. фин. *taka-la* «находящийся сзади». Если бы это было так, то коэфф. *-l-* не приобрел бы суперессивного значения или значения движения от поверхности предмета. Мы предполагаем, что в уральском праязыке существовал особый местный падеж экстралокатив. Он обозначал местоположение, находящееся за пределами данного предмета: над, под, около, вблизи предмета или даже довольно далеко от него.

Предположим, что фин. *talolla* в этих случаях не «на доме», а «вне дома». Нам представляется, что некоторые послелоги и наречия современных финно-угорских языков хорошо сохраняют это древнее значение, ср. норв.-саам. *baggjel* «над», *måvvel* «после», *qu'dal* «перед», *vuollet* «под», марийск. *лишы* «вблизи», морд. *васоло* «далеко» и т. д. В дальнейшем экстралокатив стал развиваться в двух направлениях: в одних языках он образовал серию внешнеместных падежей, в угорских был использован для образования аблатива, венг. *városból* «из города», *könyvből* «из книги»,

манс. *колныл* «из дома». Понятие местонахождения за пределами данного предмета могло быть переосмыслено как местонахождение на чем-л. или же оно оказалось связанным с идеей вывода чего-л. наружу. Отсюда развивалось значение обско-угорского аблатива.

В. М. Иллич-Свитыч утверждает, что в ностратическом праязыке существовала частица направительного значения *К*. Ее рефлексy: предлог *к* «по направлению к» в семитских языках, в уральских языках суф. *-к*, *-ка*, ср. финское наречие *ala-k* «вниз», саам. *do-kko* «туда», марийск. *vel'-ke* «в сторону» и т. д., в тамильском суф. *-kku*, ср. др.-тамил. *й-гу-kku* «в деревню». Сюда же присоединяется суф. дательного-направит. падежа *-ga*, *-kă* в тюркских языках, ср. др.-тюрк. *qayān-ga* «хану, к хану» [2, с. 368, 369]. Вместе с тем возникает вопрос: был ли падеж с таким окончанием в тюркских языках в древности? По всей видимости, его не было.

Основным предметом спора тюркологов является вопрос, может ли афф. *-ка* делиться на составные элементы. К. Менгес рассматривает его элемент *а* как древнейший показатель дательного (дательного-направит.) падежа, который в сочетании с *к*, также являющимся афф., по его мнению, аффиксом дательного падежа, образовал афф. *-ка* [5, с. 110].

А. М. Щербак, солидаризируясь в этом отношении с О. Бётлингком, высказывает предположение, что аффикс дательного-направит. падежа *-а* в огузских языках восходит к *-ga* [с. с. 37].

Афф. *-ка* мог бы упроститься в *-а*, если бы он был трудно произносимым или какие-нибудь процессы в самих тюркских языках вели к его упрощению. Однако в действительности оба эти обстоятельства отсутствовали. Нельзя абстрагироваться и от того бесспорного факта, что даже в тех тюркских языках, где сохранился, по мнению А. М. Щербака, аффикс древнего дательного-направит. падежа *-ка*, наряду с ним существует и вариант *-а*; ср. татар. *кызыл-а* «моей дочери», *кызыл-а* «его дочери», по *урман-га* «в лес», *тавык-ка* «курице» и т. д. Так почему же древний аффикс дательного-направит. падежа *-ка* в формах притяжательного склонения упростился в *-а*?

Проблема происхождения первого составного элемента аффикса дательного-направит. падежа *-ка* остается актуальной. Нам представляется, что в свое время В. Банг в поисках ее решения напал на правильный след. Он сопоставил элемент *к* с начальным согласным в афф. *-кы*; ср. *ташкы* «внешний» [7, с. 52]. Такой аффикс в тюркских языках действительно существует, ср. татар. *югары-гы* «верхний», *алда-гы* «передний», *түбән-ге* «нижний», *ос-ке* «верхний», туркм. *уч-кы* «крайний, конечный», узб. *ич-ки* «внутренний», каз. *ал-гы* «передний», каракалп. *дүзги* «находящийся в поле», ног. *иш-ки* «внутренний» и т. д. Не исключена возможность того, что в некоторой части тюркских языков, в языках кыпчакских, происходило соединение древнего показателя дательного-направит. падежа *-а* с суф. *-кы*, который таким образом становился коаффиксом. Отсюда можно сделать вывод, что аффикс дательного-направит. падежа в кыпчакских тюркских языках имеет более позднее происхождение и его совершенно неправомерно сопоставлять с суф. дательного-направит. падежа *-ка* в уральских языках.

В. М. Иллич-Свитыч утверждает, что в ностратическом праязыке существовал показатель прош. времени *-d*. Рефлексами его в современных языках являются: грузинский суф. имперфекта *-d(i)*, показатель прош. времени *-ды*, *-ди* в тюркских языках, суф. деепричастия (*converbium imperfecti*) *-dži*, *-či* в монгольском языке, показатель претерита *-at-*, *-et-* в корейском языке [2, с. 218].

Здесь прежде всего неизвестно, что предшествовало этим прошедшим временам в истории этих языков. Чем объяснить, что формант прош. времени *-ды*, *-ди* в тюркских языках использует притяжательные суффиксы вместо личных окончаний? Если в монгольских языках *-dži*, *-či* — показатели деепричастия, то из деепричастия простое прошедшее развиваться не может.

По мнению Иллич-Свитыча, в ностратическом праязыке существовал показатель косвенной формы имен и местоимений *-л*. В и.-е. языках это со-

стояние сохраняется в гетероклитическом склонении имен существительных, ср. др.-инд. *yāk-r-t* «печень», род. п. ед. ч. *yāk-n-ās*, лат. *fetūr* «бедро», род. п. ед. ч. *fet-in-is*, русск. я, род. п. *меня*, фин. *mini-* «меня» от основы *mi*, чуваш. *ebē* «я», но форма род. п. ед. ч. *tan-än* «меня» и т. д. После формирования разветвленной парадигмы склонения функции формы на *-n* были сужены: она была сохранена как форма родительного падежа [3, с. 79].

Действительно, в окончаниях род. падежа в ностратических языках наблюдается определенное сходство, ср. фин. *kala* «рыба», род. п., ед. ч. *kala-n* «рыбы», монг. письм. *gar* «рука», род. п. ед. ч. *gar-un* «руки», др.-тамил. *ūr* «деревня», род. п. ед. ч. *ūr-in* «деревни». В тюркских языках, по мнению В. М. Иллич-Свитыча, в результате слияния первичного окончания *-n* с суф. прилагательного * *-ki* образовался показатель род. падежа *-iṭ, -uṭ* [3, с. 79—80].

Такое объяснение окончания род. падежа в финно-угорских и тюркских языках довольно противоречиво. Косвенные основы местоимений, включающие элемент *-n* в тюркских языках, существовали уже в тот период, когда окончания род. падежа не было. Элемент *-n* обозначал любой косвенный падеж, а не только родительный, ср. турецк. *şu* «[вот] этот, тот», *şu-n-un* «того», *şu-n-a* «тому» и т. д. Функции род. падежа первоначально выполняла изафетная конструкция, ср. якут. *am baḥa* «голова лошади» (букв. «лошадь голова ее»). Никакого перерождения косвенной формы в род. падеж здесь вообще не могло быть. Суффикс род. падежа в тюркских языках образовался в результате использования окончания инструктива, в связи с чем употребление инструктива в тюркских языках сильно сократилось. В настоящее время реликты инструктива сохраняются только в некоторых наречиях, ср. турецк. *yaz-in* «летом», *kış-in* «зимой», татар. *kөne(n)-төne(n)* «днем и ночью» и т. д.

В финно-угорских языках окончание род. падежа также, по всей видимости, представляет окончание инструктива, ср. марийск. *ял-ын* «деревни», *йол-ын* «пешком». После вычета коэфф. *л* в окончании род. падежа *-äṇ* в коми языке совершенно явно обнаруживается элемент *-äṇ*, совпадающий с окончанием твор. падежа, ср. чер.-öṇ, «топором».

В ностратическом языке, по мнению Иллич-Свитыча, существовала локативная частица *-da*, которая первоначально употреблялась как энклитика главным образом с местоимениями и основами, содержащими указания на местоположение в пространстве. Лишь позднее она стала употребляться в постпозиции с именами, превратившись в конце концов в формант падежа [2, с. 212—214].

К этой локативной частице возводится формант аблатива в и.-е. и уральских языках, ср. др.-инд. *ma-t* «от меня», оскск. *tout- ad* «из общины», фин. паритив, например, *talo-a* «дом», первоначально *talo-da* «от дома», а также формант аблатива *-ttu, -du* в дравидийских языках и формант аблатива-локатива *-ta* в древних тюркских языках.

Однако сильные различия в значениях аблативного суффикса в различных ностратических языках дают основания сомневаться в генетическом тождестве всех сходно звучащих формантов.

В и.-е. и уральских языках формант имеет аблативное значение. В тюркском праязыке он имел одновременно и локативное и аблативное значения, ср. орх. *taḡ-da* «на горе», но *qaḡan-da* «от хана», в монгольских языках этот формант имеет локативное и лативное значения, ср. бурят. *буланд-а* «в углу» и «в угол». В семито-хамитских и картвельских языках этот формант имеет лативное значение.

Аблативное значение не может быть выведено из лативного значения, являющегося его прямой противоположностью. Равным образом из лативного значения никогда не получится аблативное. Неувязка здесь явная.

Рассматривается ностратический суф. *-mā*, образующий отглагольные и отыменные имена. Приводятся параллели из различных языков, ср. араб. *mi-ftāḥ* «ключ», сюда же относится картв. *-m-*, префикс причастия, ср. сред.-груз. *m-šep-* «видимый». В и.-е. языках это суффикс отыменных и отглагольных производных имен, ср. н.-е. **dhuH-mo-* «дым» от *dheuH-*

«дуть», греч. *ἄνεμος*, лат. *fūtus*, литов. *dūmai* «дым». В уральских языках это суффикс отыменных и отглагольных имен **-ma*, **-mā*, ср. фин. *juo-ma* «питье». В дравидийских языках это **-mai*, тамил. *rogi-mai* «терпение», др.-каннада *-me*, *tudi-me* «главенство». Сюда же привлекаются тюркский суф. *-ma*, *-mā*, а также *-ma-k*, *-mā-k* и монгольский суффикс имен, указывающих на возможность действия, ср. монг. письм. *qajīqa-ma* «удивительное». Сюда же присоединяется и тунгусский суффикс отыменных и отглагольных прилагательных *-ma*, *-mā* в тунгусо-маньчжурских языках [3, с. 45—47]. Однако В. М. Иллич-Свитыч не учел, что тюркский суф. *-ma*, *-mā* развился в особых фонетических условиях из **-ba*, **-bā*. Поэтому он никак не может быть материально родственным.

Не менее любопытно сравнение показателя маркированного объекта в ностратических языках, ср. др.-инд. *vṛka-m* «волка», лат. *lupi-m* «волка», фин. *kala-n* «рыбу», марийск. *kol-ñt* «рыбу», тамил. *tara-m* «дерево». Сюда же присоединяется показатель **-ba*, **-bā* в тунгусо-маньчжурских языках [3, с. 48—49].

Однако и в этих объяснениях имеются противоречия. В и.-е. языках винительный падеж возник, по-видимому, на базе какого-то латива, ср. др.-инд. *gramam gačhati* «идет в деревню», лат. *Roman ire* «идти в Рим». В финно-угорских языках винительный падеж не обнаруживает этого значения. В тунгусо-маньчжурских языках окончание вин. падежа *-ba*, *-bā* никак нельзя отождествить с и.-е. или финно-угорским окончанием этого падежа. Также неправомерно присоединять сюда и окончание вин. падежа в ненецком языке *-m'*, поскольку в других ностратических языках *-m* не имеет никаких наращений.

В. М. Иллич-Свитыч конструирует ностратический глагол *muṣa* «мыть», араб. *muṣ* «мыть, чистить», лат. *mergō* «ныряю», лтш. *mazgāt* «мыть», урал. эст. *mōske-*, эрзя-морд. *muške-*, коми *myšk-*, драв. каннада *mī* «мыть» [3, с. 71]. Суф. *-k*, *-g* в финно-угорских языках совершенно явно свидетельствует о том, что это глагол звукоподражательный. Здесь возможны случайные конвергенции. Принадлежность к звукоподражательным глаголам дравидийского глагола *mī-* и русск. *мыть*, напротив, сомнительна.

В словаре В. М. Иллич-Свитыча встречается немало неудачных сопоставлений. Приведем некоторые из них.

Ностр. *gāti* «рука» сравнивается с др.-инд. *hāsta*, греч. (ионийск.) *χεῖρ*, фин. *kāte-*, эрзя-морд. *ked'*, тамил. *kai* [2, с. 227]. Драв. *kai* нельзя свести к *gāti* так же, как и др.-греч. *χεῖρ*.

Ностр. *kāl* «рыба» выводится из ю.-араб. *kāl* «жит», фин. *kala* «рыба», венг. *hal*, тунг. **kali-ma* «жит» [2, с. 288, 289]. Связь тунг. **kali-ma* и араб. *kāl* «жит» с фин. *kala* маловероятна.

Ностр. *gol* «сердце». Сравнивается с груз. *gul-* «сердце», др.-уйг. *qōl* «сухой дол», халха-монг. *gol* «река; внутренность, середина» [2, с. 231]. Сравнение маловероятно.

Ностр. *homsa* «мясо», лат. *membrum* «член», ст.-слав. *měso*, ненец. *ḡamsā* «мясо», селькуп. *arṣa* «еда», тайги *arṣa* «еда» [2, с. 252]. Ненец. *ḡamsā* «мясо» нельзя сопоставить со ст.-слав. *měso*, так как в ненецком *m* чередуется с *p*, ср. тайги *arṣa*.

Ностр. *Calī* «обвязывать, привязывать», фин. *solme/solmu-*, саам. (сев.) *šuoľ'bmā-*, эрзя-морд. *šulmo* «узел», татар. *čal-* «привязывать», турецк. *çalma* «чалма, тюрбан», корейск. *čaryu-* «подвешивать (за шею), крепко обвязывать». При этом Иллич-Свитыч замечает: «Соответствие урал. *š-* ~ алт. *č-* в начале основы может указывать на исходный **č-* или **c-*» [2, с. 200]. Саамское *č* возникло из *š*, а не из *č*.

Ностр. *Carā* «затвердевшая корка». Рефлексом этого слова считается швед. *skare* «наст на снегу» и др.-русс. *скорá* «шкура» [2, с. 205]. Сомнительно, чтобы из *č* получилось *sk*.

Ностр. *-či* — формант фреквентативных и итеративных глаголов, ср. хетт. *-šk-* итератив-дуратив. В остальных и.-е. языках **-sk*. Сюда же привлекается фин. *tse-*, например, *ruoski-tse-* «хлестать», морд. *mor-šə-* «напевать (часто)», венг. *taró-s-* «наступать (часто)» [2, с. 206]. Здесь также неясно, как из *č* получилась группа *sk*.

При восстановлении архетипов их свойства никогда не задаются заранее. Они обычно выводятся из состояния рефлексов. Возьмем наглядный пример такой реконструкции. Имеется ряд соответствий: др.-греч. θερμός «теплый», арм. *žert*, лат. *formus* нем. *warm*. Сравнение тадж. *гарм* с арм. *žert* «теплый» говорит о том, что в древности на месте современного тадж. *a* был, очевидно, звук *e*, в противном случае в соответствующем армянском слове древнее *g* не могло бы превратиться в аффрикату *ž*. Таким образом, устанавливается более древний облик таджикского прилагательного *germ*. Привлечение древнеиндийского соответственного прилагательного *gharmāḥ* (корень *gharm*) еще более проясняет картину. Др.-инд. *gharmāḥ* свидетельствует, во-первых, о том, что древнее *g* было не простым, а придыхательным. Слово оканчивалось на *h*, которому предшествовал какой-то гласный. Для уточнения картины привлекается др.-греч. θερμός (корень *θερμ-*) с тем же значением. Привлечение греческого слова помогает установить, что конечным согласным был первоначально не *h*, а *s*, а древнеиндийский гласный *a* в корне этого слова развился из *e*, в отличие от *a* второго слога, восходящего к *o*. Греч. *θ* (*th*), представляющее результат видоизменения древнего *gh* перед *e* в *th*, еще раз подтверждает предположение, что это *g* было не простым, а придыхательным, иначе невозможно объяснить придыхательность *th*.

Сопоставление тадж. *гарм* «теплый» с нем. *warm* «теплый» и лат. *formus* «теплый, горячий» указывает, что начальный звук этого слова был лабиализованным, что создавало предпосылки для развития губного звука. Лабиализация, усилившись в отдельных языках, привела к образованию губных спирантов *w* и *f*. Таким образом, становится вероятным предположение, что тадж. *гарм* развилось из более древнего архетипа **gh^wermos*.

Вместе с тем известны случаи, когда и.-е. *gh* в древнегреческом соответствует глухой придыхательный *kh*, а в некоторых других и.-е. языках спираント *z* или *ž*. Сравним, например, греч. *χεῖμα* «буря», этимологически родственное русск. *зима*, литов. *žieta* и тадж. *зимистон*. Если древнее *gh* и.-е. языка-основы могло в таджикском переходить в *z* в слове *зимистон*, то почему *gh* архетипа **gh^wermos* не превратилось в таджикском языке в *z*? Почему «теплый» звучит как *гарм*, а не *зарм*? Это, конечно, также не случайно. По-видимому, было два типа древних *gh* — одно задненебное, а другое — среднеязычное. Среднеязычное превратилось в некоторых языках в спираント, а задненебное здесь сохранялось, хотя и могло терять придыхание. Окончательно можно установить, что *g* в тадж. *гарм* исторически восходит к придыхательному лабиализованному и задненебному *g*.

У В. М. Иллич-Свитыча такой метод постепенного вывода архетипа, по-видимому, не принимается. Архетип у него нередко оказывается заранее заданным. Например, все согласные, установленные алтаистами для алтайского праязыка, переносятся Иллич-Свитычем в плоскость ностратического праязыка.

Ностр. **al'a* «пища», др.-евр. *'ēl* «сила», лат. *alo* «кормлю», тамил. *al* «сила, твердость», алт. **al'* «пища», туркм. *aš*, азерб. *aš* «еда» [2, с. 259].

Если это было палатализованное *l* особого рода, то почему в тюркских языках оно могло присутствовать в заднерядных основах? Каким образом татарское *аш* могло произойти из *al'*, когда мягкость согласного в тюркских языках определяется законом гармонии гласных?

Ностр. *nār* «молодой, новорожденный», др.-евр. *nā'ar* «мальчик, юноша», др.-верх.-нем. *jār* «юд», фин. *nuore* «молодой», телугу *nāru* «молодые побеги, саженцы», тюрк. *nār* (> **jār*) «весна», др.-тюрк. *jaz* «весна», монг. *nirai* «новорожденный, свежий» [3, с. 83—84].

Снова возникает вопрос. Если слово *jaz* «весна, лето» в тюркских языках возникло из *jar'*, то как палатализованное *r* могло существовать в основе с заднерядным гласным, если палатальный или велярный *r* определялся в этих языках законом гармонии гласных?

Ностр. *duli* «огонь», фин. *tule* «огонь», тамил. *tulaṅku* «сиять», тюрк. **jyly-* «теплый», монг. **sula-gan* «теплый» [2, с. 221]. Каким же образом мог совершиться этот совершенно невероятный переход *d* > *j*? Оказывается, Иллич-Свитыч здесь просто использовал утверждение алтаистов, будто

бы начальный алтайский *d* в пратюркском превращался в *j* [8, с. 22]. Кроме того, гласный *и* в истории тюркских языков никогда не превращался в *у*.

Ностр. *ñiKa* «шейный позвонок, шея», фин. *nikata* «позвонок», манс. *nak* «узел стебля, сустав», селькуп. *niĕky* «ключица», тюрк. **jaĕa* «ворот, воротник», негидал. *niĕinna* «шея» [3, с. 92]. Все это сравнение опять-таки строится на утверждении алтаистов, будто бы праалтайский начальный *ñ* в тюркских языках превращался в *j* [8, с. 36]. Кроме того, здесь возникает другой вопрос, как в тюркских языках первоначально могло удерживаться палатализованное *n* при твердой основе, содержащей заднерядные гласные, например, *ñaKa* «воротник» > *jaĕa*?

Ностр. *šehr'a* «бодрствовать», семит. *šhr* «бодрствовать», лат. *servō* «спасаю, охраняю», фин. *herää* «проснуться», азерб. *sez-*, турецк. *sez-*, монг. письм. *sege-* «бодрствовать» и т. д. [3, с. 107].

Нельзя не заметить, что здесь также применен звуковой закон, установленный алтаистами, будто бы палатальное *r* в интервокальном положении может перейти в *z*. На самом деле интервокальное *r* в *z* перейти не может. Первоначальный спирант *s* может превратиться в интервокальном положении в *z*. По причине дальнейшего ослабления смычки *z* может превратиться в *r*, ср. лат. *genus* «род» из **genos*, род. п. ед. ч. *generis* «рода» из *genesis* > *genezis* > *generis*.

А. Мания объясняет механизм этого превращения следующим образом: «Колебания голосовых связок, необходимые для произношения гласных, захватывают по инерции как предшествующий, так и последующий гласный, одновременно влияя на произношение *s*, которое превращается в *z*. Гласные фонемы большей степени открытости способствуют большей степени открытости *z*. Как фонема слабой артикуляции *z* не может противостоять их влиянию. Кончик языка удаляется от резцов, поднимается к альвеолам. Произносительные органы, находящиеся в этом положении, обычно произносят альвеолярное *r*» [9].

Интервокальное положение звука всегда способствует расширению затвора, а не сужению его. Если верить алтаистам и В. М. Иллич-Свитычу, то здесь происходит нечто противоестественное. В интервокальной позиции затвор сужается. Интервокальное *r'* переходит в *z*.

Алтаисты утверждают, что в алтайском праязыке существовал начальный *p*, который в прамонгольском еще сохранялся, в среднемонгольском ему соответствовал *h*, который, возможно, переходил в ф. В корейском ему соответствует *p* и *ph*, а в тюркских языках ему соответствовал *h*, который позднее исчезал [8, с. 10].

В. М. Иллич-Свитыч сделал вывод, что это начальное *p* существовало и в ностратическом праязыке.

Для того, чтобы доказать былое наличие начального *p*, необходимо вообще убедительно доказать генетическое родство алтайских языков, которое, по нашему мнению, само нуждается в доказательстве.

Тем не менее В. М. Иллич-Свитыч утверждает, что тюркское слово *irg* (др.-уйг.) «предсказание, пророчество, гадание, доля, судьба» [10, с. 120] некогда имело начальное *p*, и на этом основании он сближает его с нем. *fragen*, русск. *просить*, литов. *piršti* и т. д. [10, с. 111—120]. Все долготы в ностратическом праязыке В. М. Иллич-Свитыч рассматривает как результат выпадения ларингальных. Получается, что только выпадение ларингальных является действительным средством образования долготы.

В словаре Иллич-Свитыча встречаются рассуждения, обнаруживающие нарушение некоторых типологических закономерностей. Так, например, Иллич-Свитыч утверждает, что в ностратическом праязыке существовала частица *Hi*, указывающая на прошедшее время, и рассматривает ее рефлекс в современных языках.

В берберском — это показатель претерита *-i*, ср. шельха *ft-i-g* «я ушел», в картвельском это суффикс аориста, ср. др.-груз. *gavdrik-e* «я согнул», в и.-е. языках это аугмент, ср. др.-инд. *ābharat* «он нес», др.-греч. ἔφερε. Иллич-Свитыч предпологает, что в ряде и.-е. языков она могла использоваться и после основы, ср. арм. *bere-i* «я нес», в финском языке это про-

шедшее на *-i*, ср. *sano-i* «он сказал», малаялам. *pāṭ-i* «пел» [2, с. 249, 250]. Обращение с этой частицей у Иллич-Свитыча довольно произвольное. Он утверждает, что она могла бы присоединяться к глаголу в качестве проклитики или энклитики. Так ли это? В древнегреческом языке аугмент развился, по-видимому, из какого-то наречия и примкнул к глаголу относительно поздно. В языке Гомера употребление его еще факультативно. Кроме того, в и.-е. языках наблюдается явная тенденция к препозиции наречий. Поэтому эта наречная частица никак не могла лечь в основу показателя прош. времени *-i*.

При реконструкции вокализма ностратического праязыка Иллич-Свитыч явно ориентируется на уральские и и.-е. языки, а при реконструкции консонантизма на картвельские. В результате оказывается, что ностратический праязык обладал довольно большим количеством согласных и вполне достаточным количеством гласных. Но это язык не естественный.

В языках мира существует определенная взаимозависимость между системой гласных и согласных. Если резко уменьшается количество различных типов согласных, то этот недостаток обычно компенсируется увеличением количества типов гласных и дифтонгов. Наглядным примером может служить финский язык, в котором скудость системы согласных компенсируется развитием системы гласных и дифтонгов. В некоторых языках Кавказа, например, в абазинском, слабое развитие системы гласных компенсируется очень большим количеством согласных. В постулируемом Иллич-Свитычем ностратическом праязыке недостатка в гласных и согласных не было.

При реконструкции консонантизма ностратического праязыка Иллич-Свитыч отдает предпочтение данным семитских и картвельских языков.

Ностр. *qowe* «отверстие», ср. араб. *ḥawā* «пустое пространство, пустота», фин. *ovi* «дверь», манс. сев. (Сосьва) *āwi*, прахант. *эу*, вост.-хант. *эу*, тамил. *āvi* «знять, зевать», малаялам. *āvi iṭ-* «зевать» [10, с. 130, 131].

Слабость этой реконструкции состоит в том, что начальное *q* устанавливается только на основании семитского начального *ḥ*. Больше во всех других языках оно не проявляется. Срединное *w* установлено неправильно, так как в хантыйских формах типа *эу/ү* не могло возникнуть из *w*. Скорее, оно могло возникнуть из первоначального *γ*.

Все эти недостатки вызывают сомнение в правильности реконструкции вокализма и консонантизма ностратического праязыка, и эти сомнения вполне оправдываются.

В свое время мы пытались выяснить, что может дать для истории финского языка реконструкция фонетической структуры ностратического праязыка.

Оказалось, что гласные ностратического праязыка в финском языке во многих случаях остались без изменений [11, с. 56].

Здесь мы встречаемся с одним из поразительных феноменов в истории языков. Ностратический язык существовал, как полагают, примерно 10—13 тысяч лет назад. На протяжении этого громадного периода вокализм этого праязыка сохранился в финском языке без каких-либо существенных изменений. Допустим теперь, что наш общий вывод ошибочен. Малая результативность ностратической гипотезы применительно к истории финского языка оказалась просто случайной.

При сравнении тюркских и монгольских гласных с гласными ностратического праязыка мы вновь встречаемся с удивительным парадоксом. Многие ностратические гласные в тюркских и монгольских языках не подвергаются никаким существенным изменениям.

Чем объяснить такие неожиданности? Очевидно, их причиной является какой-то серьезный порок, скрытый в самой системе доказательств генетического родства ностратических языков. По всей видимости, В. М. Иллич-Свитыч начинал со сбора созвучий и только потом старался подчинить их определенной системе звуковых соответствий. Можно предполагать, что в этой системе была масса всякого рода натяжек и допусков. По этой причине здесь возник конфликт между кажущимися автору соответствиями

и фонетически ничего не значащими случайными звуковоспадениями. Теперь остается ответить на главный вопрос: «Почему трудно верить сторонникам ностратической гипотезы?». По всей вероятности, потому, что они не разработали более совершенных методов доказательства генетического родства языков. В их системе много неточностей и нарушений установленных наукой правил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
2. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b — K). М., 1971.
3. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (l — ž). М., 1976.
4. Ашмарин Н. И. Подражания в языках Среднего Поволжья. I, II. Баку, 1925.
5. Menges K. The Turkic languages and Peoples. An introduction to Turkic Studies. — Ural-altaische Bibliothek, 1968, XV.
6. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.
7. Bang W. Vom Kopturkischen zum Osmanischen. I. Berlin, 1917.
8. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. 1. Wiesbaden, 1960.
9. Maniet A. L'évolution phonétique et les sons du latin ancien dans le cadre des langues indoeuropéennes. Paris, 1964, p. 18.
10. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (p — q). М., 1984.
11. Серебренников Б. А. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. Проблема родства. М., 1982.